

Душа живая позволяет известное, знакомое, даже повседневное сделать новым, важным – запустить механизм творческой духовной работы.

Всё сказано. <...>

Описано всё. Но не так!

Не *мною*. Не *тебе* адресовано...

Тимур Кибиров

Тексты Тимура Кибирова можно назвать постмодернистскими, но есть в них такая живая сентиментальная нотка, которая разрушает программную обезличенность постмодернизма.

И великие произведения постмодернизма (произведённые, например, Иосифом Бродским) не есть только самовыговаривание языка, безличный словарь, а остаются личным посланием, личной трагедией, «личным взглядом на роль человека в жизни» (И. Бродский). И поэтому, наверное, всё более набирает силу движение неосентиментализма в искусстве. В произведениях Е. Гришковца – популярнейшего современного автора – лейтмотивом проходит желание что-то почувствовать, и почувствованное становится сюжетом произведения. И люди, зрители, идущие «на Гришковца», тоже хотят что-то почувствовать – почувствовать себя живыми, почувствовать себя людьми.

Так что, не смотря на все исторические и культурные перипетии, принцип личности остаётся главным принципом творчества. Только им и живо искусство.

С.З. Гончаров, А.В. Литвинов

ДИАЛЕКТИКА КРЕАТИВНОСТИ

Слово «креативность» чарует своим звучанием и создается видимость: где творится креативный процесс, там обитает блаженство. В исследованиях творчества и креативности доминирует, как правило, некоторое прекраснотворчество. Между тем рождение нового всегда связано с *отрицанием* уже ставшего, застывшего в прочные формы. Это гениально раскрывает Гегель в «Науке логики»: становление чего-либо содержит *одновременные процессы – возникновения и уничтожения*. Становление общеинтересной и полезной новизны сугубо диалектично, т.е. беременно *противоречием* между упомянутыми процессами. Творчество, креативность требуют *мужества*, силы *характера*, т.е. способности *выдерживать и разрешать противоречия* становления и осуществления новых жизнеспособных форм – духовных, социальных и материально-предметных, будь то рождение идеи, социальных форм и т.п.

Диалектика Гегеля и К. Маркса выражает историческую самодеятельность людей, тот процесса, когда индивиды *выходят за рамки достигнутого к новым смыслам и образам жизни*. И такое выхождение за границы достигнутого, за «красные флажки» всегда осуществляется через борьбу, через преодоление соблазнов, противоречий на тернистом пути к новым вершинам. Гегель писал: «противоречие не следует считать просто какой-то ненормальностью, встречающейся лишь кое-где: оно есть отрицательное в своем существенном определении, принцип всякого самодвижения, состоящего не более как в изображении противоречия». Противоречие – «корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельно»¹. Так, потребности, независимо от их уровня, потому *побуждают* к активности (и человек стремится), что потребность есть *отрицательное бытие предмета в субъекте, отсутствие предмета, данное как реальность*.

Гегель продолжает: «...внутреннее, подлинное самодвижение, побуждение вообще (стремление или напряжение монады, энтелехия абсолютно простой сущности) – это только то, что нечто *в самом себе* и его отсутствие, *отрицательное его самого* суть в одном и том же отношении»². Именно, *в одном и том же отношении!* На чем обоснованно всегда настаивал Эвальд Васильевич Ильенков. В этом уточнении заключен принцип понимания противоречия. Известная полемика между Э.В. Ильенковым и И.С. Нарским о *понимании противоречия* («в одном и том же отношении» – Э.В. Ильенков; «в разных отношениях» – И.С. Нарский) ясно выразила *гражданскую позицию* каждого: Э.В. Ильенков самым серьезным образом беспокоился всполохами грядущих перемен («перестройкой», по М.С. Горбачеву); И.С. Нарский пытался от действительных противоречий советского общества, всячески замазывал их («в одном отношении – так, в другом отношении – иначе; это – как посмотреть») и олицетворял собой беспринципную, самодовольную линию в советской философии. Ведь борьба между трудом и капиталом мотивирована «одним и тем же отношением» к рабочему времени!

Противоречие творчества прекрасно раскрыто в суждениях Гегеля: «Таким образом, нечто жизненно, только если оно содержит в себе противоречие, и есть именно та сила, которая в состоянии вмещать в себе это противоречие и выдерживать его. Если же нечто существующее не в состоянии в своем положительном определении

¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т.2. С.66.

² Там же.

в то же время перейти в свое отрицательное [определение] и удержать одно в другом, если оно не способно иметь в самом себе противоречие, то оно не живое единство, не основание, а погибает в противоречии»¹. Гегелевское противоречие, отметил К. Маркс, – «источник всякой диалектики»². Из этой диалектики выросли Маркс и Ф. Энгельс, В.И. Ленин, классики русской философии.

Философская диалектика дарует умение теоретически и практически соединять противоположности в гармонию, исходя из их единого основания; предохраняет от односторонних крайностей, когда онтология берется вне антропологии, гносеология вне аксиологии, относительное вне абсолютного. Вне диалектики мировоззрение обрекается на односторонность, частичность, пассивность и запуганность. В социальной области диалектика ориентирует на *процессуальность*, сообщает *мужество, наступательный, атакующий, победоносный стиль мышления* в преодолении преград; в области культуры она выводит сознание за рамки уже ставшего и достигнутого к новым возможностям и смыслам, содействуя *обновлению* воззрений, и тем самым всегда остается *юной и креативной*, столь созвучной юности души и дерзновению молодости. В плане познания диалектика рождает свободное *неоконечное* мышление, расширяя рамки того Целого, в составе которого мыслится предмет. Диалектический стиль мышления рождает творцов и новаторов, победителей и героев. «В своем рациональном виде, - писал К.Маркс, - диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по своему существу своему критична и революционна».³ «Доктринеры-идеологи» ныне выбросили труды К. Маркса из библиотек вузов!

Творческий процесс и его реализация рожают имманентные противоречия *в самом субъекте, в межсубъектных отношениях и в функционировании социальных систем в целом*. Раскроем существо этих противоречий. Но сначала поясним то базисное отношение, которое рождает с необходимостью противоречие.

Отношение целого к самому себе – источник противоречия. Рассматривается ли отношение одного товара к другому, труда к капи-

¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т.2. С. 66.

² Маркс К. Капитал. Т.1. М., 1973. С. 610.

³ Там же. С.22.

талу, субъекта к объекту, одной нации к другой и т. д., всегда за внешним отношением одного к другому К. Маркс вскрывает внутреннее отношение вещи к себе самой. Уже в тезисах о Фейербахе данное отношение демонстрирует свою диалектическую мощь. Одностороннее утверждение об изменении людей обстоятельствами К. Маркс развивает в положение об их «самоизменении» через изменение обстоятельств, когда субъект одновременно предстает и как воспитатель, и как воспитуемый; и как субъект, и как объект действия; и как законодатель, и как исполнитель собственных принципов.

Реальная диалектика возникает тогда, когда сущность (основа) самого предмета противопоставляется себе через свои части, и предмет как целое соотносится с *положенными им же* предпосылками своего развития, выступает в пространстве *формируемым материалом*, во времени – *формирующим процессом*.

Поясним этот важный момент. Различные вещи без тождества их сущности не вступают между собой во внутреннюю связь. В пределах такой связи каждая из вещей относится к другой как к представителю общей для обеих сущности. Относясь к иной вещи как к сущности, данная вещь относится и к себе как к сущности. Относясь к себе как к сущности, вещь отличается от себя как явления. Раздвоение вещей на внутренний и на внешний уровни ведет к раздвоению предметной области на уровень сущности и на мир явлений. Однако здесь дано отличие сущности от явления. При более детальном анализе выясняется, что отношение между вещами одной сущности сводится в итоге к отношению сущности к себе самой, к ее самоотнесению и тем самым – к противопоставлению субстрата сущности самому себе, следовательно, к существенному противоречию, которое невыносимо для предметной области; поэтому противоречие в самой сущности предметной области осуществляется только как *процесс нахождения меры между противоположностями в процессах развития. Развитие и есть процесс нахождения таких мер согласования противоположностей*.

То, что в сфере сущности есть *самоопределение* целого, *воздействие на себя* через взаимодействие своих собственных частей, то в мире явлений обнаруживается всегда как *определение извне, как действие на другое*. Например, Петр, относясь к Павлу как к человеку, актуализирует свою собственную человеческую природу. Относясь к себе как к человеку, Петр отличает в себе социальное от природного. Но на таком различии дело не заканчивается. Отношение между Петром и Павлом как людей есть в итоге отношение социальности к себе

самой. Такое самоотношение и *самоизмерение* социальности ощутимо проявляется в борьбе людей за свое общественное признание, будь то спорт, политика или культура.

Отношение к самому себе углубляет понимание противоречия. Ошибочно ограничиваться, утверждал Г.С. Батищев, фиксацией противоположностей как равноправных сторон отношения двойственности или полярности¹. В *явлении* противоречие обнаруживается как взаимодействие *двух* противоположностей, но в *сущности* противоречие есть «спор» с собой *одного и того же* начала. Там, где различие, отмечает С.Н. Мареев, достигает своего «максимума» – противоположности, «обнаруживается в то же время и тождество, потому, что у противоположностей “материя” одна и та же». Противоположности обнаруживают себя как таковые «только тогда, когда один раз в положительной, другой раз в отрицательной форме имеет место одно и то же содержание. Иными выражениями единство, тождество противоположностей трудно передать»². Так, *потребность* в хлебе есть отрицательное бытие *реального* хлеба у голодного.

Дуализм недостаточен в понимании противоречия, так как при этом фиксируется взаимодействие двух *особенных* содержаний, но их *общая* сущность не улавливается именно потому, что противоположности не понимаются как результат *противополагания* одного начала.

Дуализм отмечает лишь *внешнюю* форму явления противоречия. Например, в явлении труд и капитал кажутся равноправными противоположностями. Теория сводит противостояние труда капиталу к противостоянию труда самому себе, ибо капитал произведен от труда, есть его «иное бытие»: «труд свою собственную действительность полагает не как бытие-для-себя, а как всего лишь бытие-для-другого... как бытие иного против самого себя»³. Дуализм отражает *бытие-для-другого*, упуская отношение труда к самому себе. Дуализм статичен и не прогностичен, в его рамках *особенные* формы не доведены до понимания того *всеобщего*, выражением которого они являются.

Понимание труда в аспекте отношения к самому себе сразу ориентирует на способ разрешения противоречия: оно может успешно разрешаться лишь в пользу *труда*, интересы труда дают верный ори-

¹ Батищев Г.С. Проблема диалектического противоречия // История марксистской диалектики. М., 1971.

² Мареев С.Н. Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса. М., 1984. С.37.

³ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Т.46, ч.1. С.442.

ентир. «Ибо сколь бы обе крайности ни выступали в своем существовании как действительные и как крайности, – свойство быть крайностью кроется все же лишь в сущности одной из них, в другой же крайность не имеет значения истинной действительности»¹.

Точно так же обстоит дело с решением противоречий между частными интересами различных субъектов того или иного *общего дела* – будь то производство, образование, наука и др. Ведь здоровый личный интерес связан, по существу, с *общим интересом общего дела, из которого и надо исходить в решении противоречий*. Если же встать на точку зрения лишь *особенного*, частного интереса, то одному особенному интересу противостоит другой особенный интерес, и сознание будет видеть *только различия* без их внутреннего *единства*. Каждый начнет настаивать только на *своем особенном*. В итоге различия заострятся до враждебных противоположностей, до острого противоречия, до паралича общего дела, который в итоге заставит посмотреть на предмет более глубоко и увидеть за особенным *всеобщее* содержание, существующее через особенное, а не рядом с ним. Точно так же особенное существует не вне всеобщего, а как форма его своеобразного бытия. Ведь всеобщее существует через особенное. «На деле всякое всеобщее реально как особенное, единичное, как сущее для другого»².

Именно в рамках *всеобщего (для сторон общения) содержания* можно осуществить *разумный творческий, причем практический синтез тех противоположностей, которые ранее представлялись непримиримыми*. Речь идет не о том, чтобы погасить личный интерес в общем деле. От такого дела люди разбегаются. Человек – *индивидуальное общественное* существо. Его частный интерес может успешно реализоваться лишь в общем деле. Кто игнорирует интерес такого дела, тот добивается того, что его тоже будут игнорировать, вплоть до правовых санкций. Общий интерес есть существенная общность частных интересов. Игнорировать такой единый интерес – значит противопоставлять свой интерес интересам многих частных лиц. Это деструктивный путь для самого игнорирующего индивида. Общее дело – это «весы», которые определяют удельный вес каждого его участника.

Если взять противоположные – отечественные и западные – ориентации в области идеологии и политики России, то здесь

¹ Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.1. С.322.

² Гегель Г. В. Ф. Соч.: в 14 т. М., 1932. Т.10. С.284.

с очевидностью можно утверждать, что российские западники не имеют значения «истинной действительности» потому, что они не укоренены в «почву», в отечественные традиции и культуру, в национальный общенародный интерес, а имитируют чужие формы жизни и побиваются под чужими окнами.

Из отношения к самому себе следует *асимметричность противоположностей, различие их статуса, значения*. В явлении каждая из них есть особенная форма, это создает видимость их равноправия и симметрии. Но, в сущности, лишь одна из них, как правило, является основной (представляет общую основу) и порождает иную как производную форму. Ведь предмету присуща *одна основа*. И ее в большей мере представляет та или иная противоположность на том или ином этапе развития целого. Оптимально состояние, когда *обе противоположности* в равной степени выражают единую основу. Такое состояние есть *гармония* противоположностей, к которой следует стремиться в общем деле, исходя из его целого, которое существует в воображении как предпосылка верного понимания проблем и противоречий.

Вопрос о гармонии противоположностей принципиально важен. У Гегеля *не диалектика является определяющей*, а процесс *нарастания конкретности в развитии целого путем разрешения противоречий*. Ведь конкретное содержание *более значимо в практическом* отношении, конкретное знание дает свободу и власть над реальностью. Степень практической значимости определяет собой и степень теоретической конкретности знания.

Противоречие есть форма, в пределах которой противоположности, *дополняя* друг друга своими содержаниями, срастаются в новое, более *развитое* образование и возникает *полнота* содержания. Именно в противоречиях проходят апробацию на жизнеспособность те или иные содержания. И, выдержав противоречия, они *срастаются в конкретное целое*. Поэтому противоречия являются не только источником деструктивности, разлома и гибели, но и способом взращивания жизнеспособных конкретных форм. В мышлении разумно восходить от абстрактного содержания к конкретному содержанию; не менее разумно это осуществлять и на *практике*, в налаживании, «конструировании» социальных связей с емким человеческим содержанием.

Противоречия неистребимы. Но они могут обретать разные формы, такие как антагонизм, партнерство, сотрудничество, солидарное единство. Нет основания увековечивать антагонизм классовых противоречий. Классы – это различные части народа. Враждебность

межклассовых отношений означает возможность гражданской войны, которая разрушительнее войны между народами. Настаивать в теории на классовой вражде – значит провоцировать гражданскую войну, то скрытую, то открытую. Это – позиция догматического следования точке зрения мыслителей XIX в. Марксу не откажешь в диалектическом понимании социальной реальности, но и он указывал, что буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса. *Полнота* содержания возможна только в рамках *единства противоположностей*.

Асимметрия противоположностей принципиально важна. Положительное и отрицательное кажутся, на первый взгляд, сугубо соотносительными категориями. Но отрицание в развитии есть форма утверждения положительного содержания, которое всегда остается *основой и ведущей стороной*. Мышление сначала уясняет соотношение положительного (П) и отрицательного (О) дуалистично, по схеме П – О, фиксирует статику, а не движение к разрешению противоречия по схеме П – О – П'. Утверждение одного содержания есть отрицание по отношению к другому содержанию. *Отрицание есть отношение одного положительного к другому положительному, т. е. отношение положительного к самому себе*.

Отрицательность не имеет самостоятельного содержания, она производна от положительного. В противном случае отрицание как самоцель (О – П – О') превращается в «безумие самомнения» (Гегель), в абсолютное зло, в тупиковое и деструктивное направление в развитии, что подтверждается всякий раз радикальными отрицаниями без созидательного потенциала. М. Бакунин признавал первенство отрицания, «неустанное самосожжение положительного на чистом огне отрицательного». Он писал: «Радость разрушения есть в то же время творческая радость»; «...я ищу Бога в революции»¹. С позиций М. Бакунина, как и нынешних российских либералов, *объем свободы* измеряется *масштабом разрушения*.

Между тем отрицание производно от утверждения и в жизни, и в теории. За культом отрицания скрываются глубинные психологические и социально-политические установки, в частности отчуждение от родного, родины и др. Дорогое и родное не разрушают, а берегут и развивают².

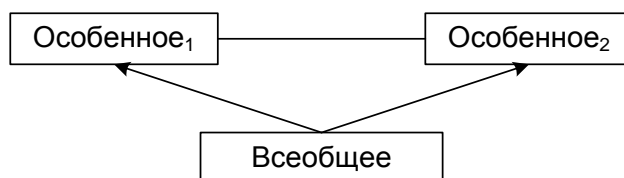
¹ Цит. по: *Зеньковский В.В.* История русской философии: в 2 т. Л., 1991. Т.1. Ч.2. С.54, 56.

² См.: *Гончаров С.З.* Логика мышления и аксиология сердца. Екатеринбург, 2006. С.402-443.

Рассудочному мышлению соотношение добра и зла тоже представляется симметричным («добро – зло»). Однако зло можно вывести из утверждения добра: добро более высокого уровня может отрицать добро вчерашнего дня («добро – зло – добро'»).

Культ отрицания понимается в православии как *логика дьявола*, как установка, реализуя которую индивид испытывает некий «возвышенный» *пафос* и, используем сильное выражение, сатанинский «оргазм» от *разрушения цветущих форм жизни, духа и культуры*. Подобная установка сознания возникает, как правило, в условиях отрицания прежних устоев жизни. И всегда находятся такие индивиды, которые за отрицанием особенных форм жизни не видят рождение новых жизнеспособных форм и поэтому само отрицание делают самоцелью, своей *судьбой*, которой их якобы наделили некие сверхчеловеческие могущественные силы. Такая *бесоудержимость* была свойственна Л.Д. Троцкому с его «перманентной революцией». В.И. Ленин не разглядел в Троцком этой мистической установки потому, что с порога отвергал и творчество Ф.М. Достоевского, и, тем более, пронизательность православия в отношении бесоудержимых. И.В. Сталин понимал опыт православия и оказался зорче.

Разрешение противоречий между особенными содержаниями возможно на основе их единого основания. Представим это схематично (рисунок):

Разрешение противоречий между особенными содержаниями
в рамках одного основания

Противоречия креативных практик. Поясним имманентность противоречий в творческих процессах.

1. Самодеятельность – адекватная форма реализации творческих актов. В самодеятельности доминирует направленность субъекта на преобразование самих способов деятельности. Субъект одновременно выступает и *деятелем*, и *объектом* делания; он *противопоставляет* себя самому себе в реальном процессе и в то же время *объемлет* обе противоположности – *процесс делания и результат*. Соединяя в себе эти противоположности, субъект есть противоречие между *Я* прошлым и *Я* актуальным, между деятельностью ставшей и становя-

щейся. Это противоречие разрешается и вновь становится через самоизменение, самоотталкивание и вместе с тем через вбирание субъектом в себя положенных им определений, но уже как моментов—условий для новой фазы самостановления, а не для повтора стереотипов.

Такая пульсация *полагания, противопологания и возвращения к самому себе* продуцирует *прирост и обновление* творческих сил. Здесь социальным квантом оказывается личность, «постоянно неравная сама себе»¹. В самодеятельности противоречие между предметом и субъектом переносится в область творческих сил и превращается в противоречие между репродуктивным и продуктивным, разрешение которого требует интенсивного напряжения духовных сил и заканчивается, в конечном итоге, обновлением самого предмета. Такая противоречивость творческих актов рождает в духовном отношении и *муку, и блаженство* в одно и то же время.

Развитие идеи, научный поиск, выдвижение гипотез, выход за пределы достигнутого к новым возможностям и смыслам сопровождаются метаниями, коллизиями, рисками, выходом из мира понятного и привычного в зоны таинственных, малопонятных неопределенностей. Становление новизны отрицает привычные значения. Отрицание происходит в одной душе творца. Отсюда и рождаются «муки творчества. Это и имел в виду Гегель: «Если же нечто существующее не в состоянии в своем положительном определении в то же время перейти в свое отрицательное [определение] и удержать одно в другом, если оно не способно иметь в самом себе противоречие, то оно не живое единство, не основание, а погибает в противоречии»².

2. Субъективный аспект диалектики ясно отчеканил И.Г. Фихте. Но субъективный акт объективируется. Противоречивость творческого акта в составе субъекта объективируется и принимает острые формы противоречия между субъектами в их взаимных отношениях. Выражение «защита диссертации» точно передает противоречивость в процедуре общественного признания новых идей. От соискателя требуют новизны. Но новизна есть утверждение, которое отрицает, так или иначе, суждения иных авторов. Возникает полемика, борьба идей.

Абсолютным истоком противоречия в межсубъектных отношениях является их *борьба за общественное признание*. Ведь быть социально, значит быть признанным в сознании других достойным образом. Все к этому стремятся. Возникает на протяжении всей писаной

¹ Библер В.С. О культуре мышления теоретика Нового времени (XVII – начала XX в.) // Науковедение и история культуры. Ростов н /Д, 1973. С.152.

² Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.2. С.66.

истории драматургия *со-ревнования* по поводу признания, будь то интимно-личностные отношения, или отношения в области науки, искусства, политики, экономики, спорта и т.п. В общественной жизни инструментом измерения в процедурах признания, практического сравнения субъектов стала система рейтингов.

Соревнование – форма движения истинно диалектического противоречия «в одно и то же время и в одном и том же отношении». Именно этот род противоречия есть корень и «нерв» саморазвития в отличие от рассудочно трактуемого противоречия «в разных отношениях», не содержащего самодвижения и жизненности. Такое псевдопротиворечие Э.В. Ильенков точно уподобил драке, в которой дерущиеся машут кулаками «в разные стороны». Опережая себе равного, субъект опережает самого себя, вступает в самосостязание. Противоречие между соревнующимися превращается в противоречие субъекта с самим собой, переводя в действительность все скрытые резервы. Противоречие соревнования – один из примеров того *имманентного противоречия*, которое интересовало Гегеля.

3. Когда процессы самодеятельности и соревнования получают свободу реализации, тогда наступает выявление креативного потенциала народа, и общество вступает в стадию культурного цветения, в период общего «акме». Коллективное творение общеинтересной и полезной новизны ясно обнажает креативность противоречий.

Если взять общество в целом, то прежние его формы отмирают тогда, когда они становятся оковами для самодеятельности. Идеального общества достичь невозможно в силу отмеченного противоречия: *то, что было достижением как первенство для немногих, становится со временем доступным и для большинства, и соревнование начинается по новому кругу, точнее, по спирали. И этому процессу нет конца.* К. Маркс по этому поводу пишет: «На самом деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем иным является богатство, ... как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т.е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а нахо-

дится в абсолютном движении становления»¹. В этих суждениях гениально раскрыта *креативная культурная антропология* К. Маркса, из которой он исходил и в своей критике антисоциального капитализма, и в своих надеждах относительно перспектив общества самодеятельности. В этих суждениях раскрыта земная основа *философской диалектики* К. Маркса.

«Абсолютное движения становления» осуществляется как *обновление* людей путем обновления форм деятельности, общения и мышления и выражается адекватно в *диалектическом мышлении*. Общество, где саморазвитие людей осуществляется как беспрестанное выхождение за пределы для этого саморазвития, и где единственной предпосылкой самого общества является выход за пределы «исходного пункта», такое общество, подчеркивал Маркс, порождает понимание человеком «его собственной истории как *процесса*», так как «сам процесс развития положен и осознан как предпосылка индивида»². Такое процессуальное понимание и выражает философская диалектика.

Если более развитое есть ключ к пониманию менее развитого, то диалектика, как логика исторического саморазвития людей, есть *основа для понимания развития на более низких уровнях эволюции природы*. Если же переносить логику низших уровней на высшие, то результатом будет редукционизм, неинформативный в научном отношении. В советской философии возобладал *онтологический* вариант трактовки диалектики, в рамках которого свободную самодеятельную природу общественного человека согласовывали с логикой элементарных частиц, различных органических систем и вещно понимаемых иных «диалектик». В результате диалектика стала ценностно-нейтральной и уподобилась молоху-автомату, для которого нет «ничего святого». Такая логика была взята из естествознания, где нет субъектов сознательного действия. Социальным эквивалентом такой логики является пассивный *созерцательный субстанциализм*, за которым скрывается накопленная и застывшая в пространстве человеческая деятельность в виде устоявшихся порядков, норм, образа жизни. К такому субстанциализму применим упрек Маркса, адресованный Л. Фейербаху за то, что тот не достигает понимания чувственного мира как совокупной, живой чувственной *деятельности* составляющих его индивидов. Ныне же в качестве очередного онтологического варианта

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.46. Ч.1. М., 1968. С.476.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 46. Ч.2. М., 1969. С.35.

современной «парадигмы» мышления вдруг стала «синергетика» с чудом-культом – хаосом!

В этих суждениях К. Маркса выражено извечное трансцендирование человека, *выхождение за пределы достигнутого к новым открытиям, к новым драмам и трагедиям*, предпосылки которых создают сами люди. Лишь в преодолении новых *пределов, в противоречиях и борениях* разумные существа сохраняют свою разумную, *неоконечную* природу. Вот как корреспондент Джон Суинтон передал часть беседы с К. Марксом: «Над размышлением о суете и мучениях нашего века и прошлых веков ... в моем уме зародился один вопрос – вопрос о решающем законе существования, на который я хотел получить ответ от этого мудреца. Спустившись до самых глубин языка и поднявшись до вершины выразительности во время наступившего молчания, я прервал революционера и философа следующими роковыми словами: ”Что есть сущее?” И, казалось, на мгновение ум его был обращен внутрь себя, пока он смотрел на ревущее море... “Что есть сущее?” – спросил я, и он серьезно и торжественно ответил: “Борьба!”»¹. Борьба как форма становления и разрешения противоречий; причем не только в обществе. Ведь вопрос был о «сущем».

Здесь мы подошли к *метафизике инноваций*. Универсальная сущность человека сфокусирована в их стремлении выйти за пределы достигнутого к *новым* формам и смыслам жизни. Люди, как субъекты, стремятся не к созиданию какого-то «изма» (капитализма, социализма, монархизма и т.п.). Это – лозунги лукавых идеологов или романтиков на пять минут. Люди стремятся осуществить, выполнить себя. Они изменяют обстоятельства в таком направлении, чтобы установился *достойный в их понимании образ жизни*. Однако с его установлением исчезает его *идеализированный, романтический* ореол. Бывший в воображении идеальный строй облекается в *эмпирическую материю*, претерпевает от нее некие деформации и превращается со временем в *обыденную повседневность*, которая становится *скучной*. Новые формы жизни окаменевают, повышается удельный вес *репродуктивного* стиля мышления и поведения. Свободная активность *Я* регламентируется порядком настолько, что возникает его (*Я*) бунт. В лоне традиции вызревает *модернизация*, импульсы к *обновлению деятельности, общения и мышления*. Возникают инициаторы, готовые выйти за «красные флажки». Если взять общество в целом, то прежние его формы отмирают тогда, когда они становятся *оковами для са-*

¹ Запись беседы Карла Маркса с корреспондентом газеты «Sun» Джоном Суинтоном // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.45. М., 1975. С.480.

модеятельности и самообновления людей. Самодеятельность – имманентная форма самообновления. Скука – реакция на лимит творческого компонента.

Существует *общесоциологическая реальная тенденция*, которую можно с полным основанием назвать *законом самообновления людей* – их чувственно-эмоциональной, душевной, духовной, социокультурной областей. Этот закон имеет *биопсихические* и социокультурные основы, он не сформулирован в теории, но он пролагает себе дорогу на практике в форме *качественных перемен*, возникающих «вдруг»; такие перемены присущи всем сферам и «порам» общества: личной жизни, семье, производственным коллективам, научным школам, политическим партиям и общественным объединениям, товарищеским отношениям, обществу в целом. Царская Россия цвела и богатела в 1913 году. Но уже в 1917 году монархия рухнула. Советский Союз был могуч в военном, хозяйственном, политическом отношениях. Но в 1991 году его «вдруг» не стало. За спиной революций и крутых перемен скрывается общесоциологический по охвату, *социокультурный по содержанию закон самообновления*. Повод всегда найдется.

Этот глубинный *креативно-антропологический* закон пролагает себе дорогу в истории, как правило, в бессознательной форме, если брать общество в целом. Стратегия инновационного общества продиктована не только технико-экономическими причинами, но и важными социокультурными мотивами – потребностью в новизне.

Тенденция самообновления связана со свободой нашего Я, нашей воли, нашего продуктивного воображения, с игрой духовных и телесных сил. Этот источник самообновления – не экономический, не утилитарно-прагматический, а сугубо *антропогенный, креативный и бескорыстный*. И чем в большей мере он становится руководящим в проектировании человеческой жизни, тем в большей мере социальная связь обретает *адекватную себе форму с бескорыстием истины, добра и красоты*. За различными методологиями всегда скрывается исторически определенная *социальность* и соответствующие ей образы жизни. С возрастанием в обществе доли личных свобод и *самодеятельности* изменяется методология науки – предмет мыслится по подобию человеческой самодеятельности. В естествознании, математике, писал В.С. Библер, поставлена под вопрос *«всеобщность классического предмета (и субъекта) – «точки действия на другое»*. В современном мышлении возникает идея радикально нового предмета и субъекта теоретического познания. Это – «идея предмета как “causa

sui”, идея движения как самодействия, самодеятельности». ¹ В осознании реальности разумно отдавать отчет о социальной основе тех понятий, посредством которых реальность осознается, т.е. быть критичным к понятийному аппарату, особенно гуманитарной науки.

Библейское изгнание из рая можно истолковать не только как расплату прародителей за грех гордыни, но и как мифологическое осознание *беспокойной человеческой природы, ее процессуальной универсальности, всегда жаждущей самообновления.*

За формулой Д – Т – Д' скрывается схема воспроизводства и обновления субъектов труда – схема расширенного воспроизводства продуктивно-творческих сил человека: *«продуктивно-творческие силы – их воплощения – прирост и обновление этих сил».* Но пределом для капитала является узость его экономической цели, сводящей показатели общественной эффективности к одному параметру – стоимостному, прибыли. Такая редукция противоречит социокультурным измерениям человека, которые сам же капитал развивает.

Пройдут многие десятилетия. Накопление капитала сменится *накоплением всеобщей идеальной предметности, представленной в культуре.* Экономикоцентризм с его редукцией культуры до стоимостных показателей (максимум прибыли, минимум совести), социализм в отношении к «неприспособленным», «постнравственная» и «постправовая» политика с позиций силы по отношению к государствам, защищающим национальную культуру и экономику, – эти и другие факторы свидетельствуют о *завершении цикла технологической цивилизации,* и о необходимости утверждения новой ценностной доминанты для качественно иной социальности.

Первичным станет культурное воспроизводство поколений, а производство средств жизни станет производным от целостного воспроизводства индивидов.

Неизбыточность и креативность противоречия. Сущность человека универсальна, а существование каждого индивида конечно в этом мире. Это – абсолютное противоречие, которое разрешается в ходе истории человеческим родом. Универсальная природа человека встречается на каждой исторической стадии *ограничения со стороны формы общения (общественных отношений).* Противоречие *между человеческой универсальностью и формой общения* является *всеобщим* и в экономическом, и в социологическом, и в узко личностном отношениях. Вся история в ее антропологическом разумном аспекте

¹ Библер В.С. Мышление как творчество. М., 1975. С.191

есть длительный процесс разрешения этого противоречия. Каждый народ в силу своих особенностей решает это противоречие по-своему. Более того, в каждый период, в каждом коллективе противоречие между креативной деятельностью (самодеятельностью) и общением встает во весь рост. Разрешение этого противоречия – творческая задача, тестирующая руководителей и коллективы на умение (ум) думать самостоятельно, предметно, творчески. В советском обществе 70-80-х годов XX века, писал А.С. Панарин, назрело острое противоречие не по поводу собственности, а между возросшим образовательным и культурным потенциалом советского человека и «евнухами идеологии, запрещающими публичное употребление разума», между «накопленным интеллектуальным капиталом» и «суженными возможностями его практического профессионального применения». Кто реально производил общественный продукт (рабочий, инженер, ученый и др.), тот все более отстранялся от участия в решениях и испытывал «дефицит профессиональной самостоятельности»¹. Классический марксизм тут, как видим, не причем.

Общий принцип решения противоречия состоит в нахождении таких форм общения (общественных отношений, регламентаций, социальных норм и т.п.), которые открывали бы *простор для развертывания человеческой универсальности, креативной деятельности*, побуждали к свободной, и *радостной* самоактуализации и самореализации творческих сил индивидуальности. Решение этого противоречия есть *практическая диалектика*, она по силам только коллективному разуму в условиях *человеческой общности*.

Однако противоречие между свободной самодеятельностью и формой общения не разрешимо *окончательно*, как и всякое содержательное противоречие, связанное с сущностью предмета. Его разрешение на каждый период состоит в приведении к соответствию самодеятельности и общения. Но это соответствие нарушается всякий раз все новыми «флуктуациями», инициативами, обновленными технологиями и практиками: *более просторные для самодеятельности формы общения, побуждая к инициативной самодеятельности больший круг лиц, сами готовят себе угрозу своего собственного «социального старения», а значит и отрицания*. Сообщать самодеятельности людей свободные формы – таков общий рецепт.

Но само это противоречие *неустребимо* потому, что неуничтожима сама *основа* противоречия – самодеятельность и соревнование

¹ Панарин А.С. Народ без элиты. М., 2003. С.114-116.

людей, различия в их притязаниях, в социальных статусах и в тех функциях, которые распределяются между субъектами самой логикой общего дела. Развитие и есть способ разрешения противоречий, порождающий разумную форму – диалектическое мышление субъектов, исходящих из социального целого, из общественного жизненного процесса, из креативного обновления социальности, а не только из того, что каждому из них лично надо. Ведь в составе жизни каждого из нас есть сугубо индивидуальное и сверхличное – общественно важное дело, большое и прекрасное. И вот личная жизнь ценна в той мере, в какой в ней воплощено сверхличное. По такому критерию чтят героев, мыслителей, подвижников.

Однако противоречие между самодеятельностью и формами общения выражает собой противоречие между субъектами – различными социальными группами. Ведь кто-то заинтересован в сохранении «окостеневших» форм общения. Ссылки на объективные «факторы» разоблачаются как оправдание группового своекорыстного интереса. Социальная борьба за обновление форм общения становится вполне адресной. Противоречие «между производительными силами и производственными отношениями» – одно из форм противоречия между самодеятельностью и общением. Данное противоречие присуще всем сферам и «порам» общества, будь то семья, институты образования, научные сообщества, конфессии, общественные объединения и политические партии, отношения между поколениями и т.д. Это противоречие может носить формы антагонизма, согласованного партнерства, солидарного единодушия в обновлении.

Негативными крайностями является абсолютизация субъектности или на уровне личности (*персоноцентризм*), или корпораций (*корпоративизм*), или на уровне социальных институтов, будь то партия, церковь, государство (*социоцентризм*). В таких случаях происходит нарушение *социальной синергии, гармонии между мерами частей и мерой целого*. Крайности персоноцентризма, корпоративизма, социоцентризма состоят в *рассудочном отделении* всеобщего, особенного и единичного (В – О – Е) и в утверждении или *всеобщего* (социоцентризм), или *особенного* (корпоративизм) или *единичного* (персоноцентризм радикальных либералов) как *самоцели*, как самодостаточного первоначала. Между тем В – О – Е есть органичные моменты единой целостности, и разумное мышление состоит в нахождении *меры* в соотношении этих моментов.

Именно в рамках *всеобщего (для сторон общения) содержания* можно осуществить творческий синтез тех противоположностей,

которые ранее представлялись непримиримыми. Под всеобщим всякий раз скрывается нечто *субстанциальное*, как выразился бы Гегель, т.е. то *общее дело*, в рамках которого только и возникают проблемы и противоречия. Такое дело связывает усилия каждого в единство, в общее произведение. И *только в общем деле*, а не в пустяках и курьезах («комаров субъективности», по Гегелю), можно утвердить себя в сознании других достойным образом, т.е. внести *важный* вклад, а значит и обрести *уважение*.

Диалектика состоит во всех случаях в *понимании тождественного в различном, единого в многообразном, всеобщего в особенном*. Если же встать лишь на точку зрения *особенного*, то одному особенному противостоит другое особенного, и сознание будет видеть *только различия* без внутреннего их *единства*.

Согласованность В – О – Е выражается эмпирически как социальная синергия, а в плане теоретическом предстает как общий закон: в жизни социального целого оптимальным является *согласованность меры целого с мерами частей*. Болезнь, регресс – это *эгоизм части за счет меры целого*.

Диалектика есть такой тип мышления, который *адекватен инновационному* стилю жизни творцов-созидателей. Алгеброй же диалектического мышления является умение соединять противоположности *всеобщего, особенного и единичного в гармонию*. За этими категориями, как было нами выяснено¹, скрывается соотношение всеобщих, особенных и индивидуально-личностных устремлений-интересов.

Соотношение всеобщего (В), особенного (О) и единичного (Е), как доказал Гегель в «Науке логики», составляет сущность диалектического метода понятийного мышления. Решающая роль этих категорий объясняется тем, что они логически выражают абсолютную социальную связь между людьми (*общество – социальная группа – личность*) и «прямо вытекают из наших отношений»². И разумное разрешение противоречий возможно при условии, когда противоположности поняти как *особенные* выражения *всеобщего* основания.

Разум же самым убедительным образом явлен *для каждого в нравственности*, выражающей социальную связь *адекватно*. Нравственность – это *духовно-практическая форма осуществления разума* во всех тканях индивидуально-общественной жизни. Нельзя жить разумно, не живя нравственно, и нельзя жить нравственно, не живя ра-

¹ См.: Гончаров С.З. Логика мышления и аксиология сердца. Екатеринбург, 2006. С.154-156.

² Маркс – Энгельсу. 25 марта 1868 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.32. С.45.

зумно (Эпикур). Нравственность (совесть) есть разум в его *истинно человеческом* выражении; совесть гармонично разрешает противоречия между «моим», «твоим» и «нашим». Нравственность основывается на *равноценности достоинства* людей; в пестроте житейских обстоятельств она учит исходить из *единой и всеобщей* природы человека и сообщает духовную солидарность, взаимопомощь. *Практический разум* (нравственная воля) – *лучший диалектик*, он схватывает за эмпирическими различиями *тождественность* достоинства человека, за *многообразием* деяний – *единство* нравственных повелений, за *игрой* чувственных побуждений и сил – *необходимость* нравственного повеления совести, за *единичным* поступком – *всеобщую* его нравственную значимость, за *посюсторонней чувственной* повседневной реальностью – реальность *умопостигаемую, должную и разумную*. Он соединяет понимание, переживание и действие, облагораживая природные побуждения и влечения. В исследовании Л.М. Косаревой раскрыта ведущая роль «моральной достоверности» в становлении научного мышления (Р. Декарта и др.), особой субъективности европейского человека XVII века. Степень объективности фактуальных свидетельств, подчеркивает Л.М. Косарева, «определялась не отсутствием заинтересованности субъекта, не отсутствием ценностной нагруженности акта свидетельствования, а, напротив, *максимальным присутствием в нем нравственного начала, доведенного до исключительной ориентации на благо для всех*. ... Таким образом, категория “моральной достоверности” служила теми вратами всеобщности и необходимости, проходя через которые, фактуальное свидетельство попадало в царство обоснованного знания». ¹ Почему же «моральная очевидность» возвышает сознание субъекта до «всеобщности», ориентирует «на благо для всех», на «общечеловеческую точку зрения»? Вероятнее всего, потому, что нравственность есть *адекватное выражение человеческой общности, общеродовой человеческой позиции* духа, через оптику которой человек способен преломлять воздействие реальности, понимать и внешний, и внутренний опыт не только как «этот» конкретный индивид со своими единичными эмпирическими особенностями, но и как индивидуальный представитель человеческого рода, человеческой культуры.

Нравственные императивы *всеобщи и общезначимы* с самого начала для той или иной социальной группы. Иначе социальная общность невозможна; т.е. нравственные императивы связаны с абсолют-

¹ Косарева Л.М. Социокультурный аспект науки Нового времени: Философский аспект проблемы. М., 1989. С.142-143.

ными факторами бытия людей. Эти императивы обращены к *воле* и ориентируют на *действие*, на поступок. Тем самым *всеобщее и общезначимое правило становится фактором практическим, и именно поэтому и логическим*. Нравственные императивы повелевают осуществить *должное*, они сверхситуативны и прямо требуют *первичности идеального* над непосредственным опытом, требуют *осуществления должного*, а не только индивидуально желаемого, приучая субъекта парить в мире умопостигаемом, а не только пребывать в миру чувственно-воспринимаемом.

Важно *соединить диалектику с совестью* в целостном духовном акте, в котором сливаются в единство любящее сердце, теоретическое мышление, продуктивное воображение, эстетическое созерцание, нравственная воля, одухотворенная вера и совесть.

Положительные формы разрешения противоречия зависят от самого древнего основания, на котором выростал антропогенез и на котором держится современное общежитие людей – от *нравственности*; т.е. от *степени признания других людей и народов как субъектов равноценного достоинства*.

Диалектический стиль мышления при *верховенстве нравственных повелений* вновь возьмет реванш, воскреснут традиции сократовских диалогов, и Гегель вновь напомнит о себе. Обнажится и подлинное основание диалектического мышления. Обслуживать перманентное обновление в состоянии только теория творческого мышления, способного разрешать созидательно противоречия обновления.

Современная техногенная цивилизация медленно преобразуется уже ныне в *антропогенное* общество, когда люди будут производить свою субъективность во всей культурной полноте, производя *заодно* холст, лен и общественные отношения. Субъектность, субъектные качества личности станут императивом так же, как ныне прежде чем кем-то быть, надо вначале быть гражданином того или иного государства. *Престижность* закрепится за *субъектными* качествами человека, который, обогащая себя культурно, обогащает тем самым и других.

Как опредмеченный труд произведен от труда *живого*, так и вещный капитал произведен от человеческого капитала. Необходимо подчинить вещный капитал *человеческому капиталу*. Самовозрастание капитала в его вещной форме следует подчинить *самовозрастанию культурного и профессионального потенциала народа*. Необходимы инвестиции, в первую очередь, в человека, в *креативно-антропогенную сферу* – в образование, культуру, социальную инфра-

структуру. Первичным станет культурное воспроизводство поколений, а производство средств жизни станет производным от целостного воспроизводства индивидов.

Изложенное выше позволяет сделать следующий вывод. Решение вопроса о креативной личности как субъекта инновационных процессов является лишь одним из аспектов более сложной проблемы – превращения техногенного экономикоцентричного буржуазного общества в антропогенное общество самодеятельности с иными целевыми ориентирами в области производства, общественных отношений и сознания. В современной обновляющейся России есть все возможности начать новый цикл истории – креативного, антропогенного, национально многоколоритного общества культурной самодеятельности.

Л.М. Андрюхина

ОНТОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА В ТРУДАХ А.Ф. ЛОСЕВА И СОВРЕМЕННЫЕ КРЕАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ¹

Возрастание интереса к творчеству, креативности становится признаком современности, все чаще речь идет о переходе от эпохи рациональности к эпохе креативности. С большой скоростью расширяется поле означивания *феномена креативности* в современном менеджмент - и бизнес-дискурсе.

С первых страниц книги Ричарда Флориды «Креативный класс» (люди, которые меняют будущее)² на нас буквально набрасывается дискурс креативности: хомо-креатив, креативное предприятие, креативная экономика, креативные сети, креативный компонент профессий, рост противоречий между организацией и креативностью, улица – толчок креативности, социальная структура креативности, от социального капитала – к креативному капиталу и так далее. Вот еще один пример такого дискурса: «В наше время творческий подход к организационным вопросам означает создание условий, обеспечивающих не выпуск однообразных изделий, безостановочно сходящих с ленты конвейера, а непрерывный поток творческих идей... Настала эпоха, в которой все решают талант и время... Мы имеем в виду

¹ Данная статья представляет собой с некоторым дополнением выступление автора на международной конференции «Творчество Алексея Лосева в контексте европейской культуры» (Бордо, 25 – 27 сентября 2008 г.).

² *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее, М., «Классика-XXI», 2007.